

Валя в лесу дубовые стволы,
Дед на скале построил крепкий дом.
Теперь лишь гряда пепла да гора золы
На этом месте. Дом сожжен врагом.
В изломанном саду — ни деревца,
Лишь обгорелая чернеет ель...
В том доме бабка родила отца,
Там мать мою качала колыбель.
В былые дни отец в расцвете сил
У горного козла спилил рога,
Пронзив его кинжалом, и прибил
Рога его к столбу близ очага.
Кавказец смотрит, сдерживая гнев,
На груды пепла. Дома больше нет.
Рога погибли, рухнули, сгорев,
Дубовые столбы, что ставил дед.
Сгорел тот снимок, на котором он
С кинжалом снят в черкеске у крыльца.
Висевшая в простенке меж окон,
Сгорела бурка моего отца...
Сгорел тот дом, в котором вырос ты,
Где мать певала песни для тебя,
Где ты лелеял юности мечты,
Где жил ты, вольность горскую любя.
И все ж кой-что осталось: ты нашел
Котел, который под золой лежал.
Он закипит еще, родной котел,
На новом очаге... А вот кинжал
Торчит в земле. Ты вытащил его
Из обгоревших кожаных ножон.
Он почернел от дыма. Ничего!
Для мщения еще годится он!

1942